

Холли Голдберг Слоун

**Я СЧИТАЮ
ПО 7**

*Если не знаешь,
куда плыть,
плыви против
течения*

Голдберг Холли

Я считаю по 7

«Карьера Пресс»

2013

УДК 821.111(73)

ББК 84

Холли Г. С.

Я считаю по 7 / Г. С. Холли — «Карьера Пресс», 2013

ISBN 978-5-00-074120-7

Ива Чэнс не такая, как все. Она гений. Она любит копаться в саду. Она знает все про медицину и про растения. Она обожает цифру 7. У нее очень теплые отношения с родителями. У нее нет друзей, и у нее проблемы в школе (невозможно выполнить тест за 17 минут, учитель уверяет, что она его списала). И вот однажды Иву настигает страшная потеря. Книга о преодолении и жизненной стойкости. О ценностях. Об ответственности и доверии. О том, что значит быть внутри круга близких людей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111(73)

ББК 84

ISBN 978-5-00-074120-7

© Холли Г. С., 2013
© Карьера Пресс, 2013

Содержание

Никто не идеал	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Холли Голдберг Слоун Я считаю по 7

*Чаку Слоуну и
Лайзе Гейзер Урик, 2 из 7...*

Никто не идеал

Той осенью меня отвели к консультанту по вопросам обучения. Мне дали разные тесты, а потом родителям пришло письмо.

Я его прочла.

В нем было сказано, что я «высокоодаренный ребенок».

А остальные люди тогда какие – «низкоодаренные»?

Или «среднеодаренные»?

Или просто «одаренные»? Что, если любые ярлыки – зло? Ярлыкам место на бутылках с чистящим средством.

Просто мне кажется, что нельзя думать, будто все люди устроены одинаково.

В каждом человеке намешано столько всего разного, что двух одинаковых людей быть не может.

Все мы – мешанина генов. Все далеки от идеала.

Если верить миссис Грейс В. Мирман – консультанту, к которому меня водили, – родителям «высокоодаренных» детей труднее всего сделать так, чтобы их ребенок был все время чем-то занят и заинтересован.

По-моему, она не права.

Мне интересно почти все.

Text copyright © Holly Goldberg Sloan, 2013

Illustration copyright © 2016 by Gary A. Rosen

© ООО «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке, 2016

This edition published by arrangement with Writers House LLS and Synopsis Literary Agency.

Глава 1

Ива Чэнс

Гений метит в то, чего никто больше не видит, – и попадает в цель.

Мы сидим у витрины «Фостерс Фриз» за складным металлическим столиком цвета морской волны.

Вчетвером.

Мы едим мягкое мороженое. Мороженщик окунул его в чан с жидким шоколадом (чтобы получилась хрустящая оболочка).

Никому не скажу, что в шоколад добавляют воск, чтобы схватилось. А точнее, съедобный пищевой парафин.

Шоколад остывает, и ванильное облако оказывается заключено в сладкую корочку.

А мы должны его освободить.

Обычно я не ем мороженое в рожках. А если ем, то очень-очень аккуратно, чтоб не напачкать.

Но сегодня...

Я нахожусь в общественном месте.

Я даже ни за кем не слежу.

С рожка у меня течет и капает.

Вряд ли сейчас кому-нибудь было бы интересно за мной наблюдать.

Почему?

Ну, во-первых, я говорю по-вьетнамски, хоть это и не мой «родной язык».

Очень люблю это выражение: по-моему, люди не понимают, сколько этой мышце, языку, приходится трудиться.

Спасибо тебе, язык.

Так вот, я сижу на полуденном солнце и вставляю словечко по-вьетнамски всякий раз, как представится возможность. Возможность представляется часто.

Вообще мы разговариваем с моей новой подругой по имени Май, но ее всегда-такой-уверенный и суровый-потому-что-большой брат Куанг Ха тоже роняет несколько слов на своем теперь уже не очень секретном языке.

Делл Дьюк (это он нас сюда привез на машине) молчит.

Он не знает вьетнамского.

Мне не нравится, когда кого-то исключают из беседы (меня саму исключают очень часто, и я знаю, каково это), но за мистера Дьюка я спокойна, пусть наблюдает. Он школьный психолог, а психологу надо много слушать.

Ну, то есть хорошему психологу.

Май говорит и ест больше всех (когда я наедаюсь, то отдаю ей свой рожок), и я ясно понимаю: это солнце на лицах, это мороженое, которое надо держать аккуратно, чтоб не капнуло, этот день я запомню навсегда.

Мы пробыли здесь 17 минут, и вот снова садимся в машину Делла Дьюка.

Май хочет поехать в Хэйген-Оукс, это такой парк. Там круглый год живут большие гуси. Май хочет их мне показать.

Она старше меня на два года, и, как все взрослые думает, будто дети обожают глазеть на толстых уток и прочих птичек.

Не поймите меня неправильно. Водоплавающие птицы мне вполне симпатичны.

Но вот что касается парка Хэйген-Оукс, то самое интересное там – не птицы, а план городского совета, решившего выращивать в парке эндемичные растения.

Судя по взгляду Делла (я вижу его глаза в зеркале заднего вида), ему ни то ни другое особенно не нравится, но он все равно сворачивает в сторону парка.

Куанг Ха развалился на сиденье и, кажется, радуется, что ему не надо ждать автобуса.

В Хэйген-Оукс мы не выходим из машины: Делл говорит, что нам пора домой.

Когда мы поехали есть мороженое, я позвонила маме, чтобы сказать, что вернусь из школы позже обычного. Но мама не взяла трубку, поэтому я отправила ей сообщение.

Папе я тоже позвонила и тоже отправила сообщение.

Странно, что они мне до сих пор не перезвонили.

Даже если они не могут взять трубку, то потом всегда перезванивают.

Всегда.

Мы сворачиваем на нашу улицу, и на дорожке у нашего дома я вижу полицейскую машину.

Дом к югу от нашего забрали за неуплату, и соседи из него уехали. На пожухшем газоне торчит табличка: «Собственность банка».

Дом к северу снимают жильцы, но я видела их всего однажды, 7 месяцев и четыре дня назад, когда они переезжали.

Я смотрю на полицейскую машину во все глаза и гадаю, не забрался ли кто-нибудь в пустующий дом.

Мама ведь говорила, что нехорошо, когда дом по соседству пустует.

Правда, тогда непонятно, почему полиция ждет на нашей дорожке.

Мы подъезжаем ближе, и я вижу, что в машине сидят двое полицейских. Плечи опущены – видимо, ждут уже довольно долго.

Я цепенею.

Куанг Ха спрашивает с переднего сиденья:

– Чего это у тебя копы возле дома?

Маи пронзает его взглядом и снова поворачивается ко мне. Кажется, на лице у нее написан вопрос.

Она, наверное, гадает: вдруг у меня отец ворует, или двоюродный брат со всеми дерется. Вдруг у меня вся семья – криминальные элементы?

Мы не слишком близко знакомы, так что мало ли.

Я молчу.

Я вернулась позже обычного. Может быть, папа с мамой так разволновались, что позвонили в полицию?

Я же им написала.

Сообщила, что у меня все в порядке.

Зачем тогда полиция?

Машина еще не остановилась, а я уже распахиваю дверцу (хотя это и опасно).

Я выскакиваю из машины и бегу к дому, позабыв красный чемодан на колесиках, в котором держу учебники и тетрадки.

Я выбегаю на дорожку и успеваю сделать всего два шага, как дверь полицейской машины открывается, и из нее выходит женщина в полицейской форме.

Ярко-оранжевые волосы у нее стянуты в пышный хвост. Она не здоровается. Она приспускает солнечные очки и говорит:

– Ты знаешь Роберту и Джеймса Чэнс?

Я хочу ответить, но у меня получается только шепот:

– Да.

Я хочу добавить: «Только не Джеймса, а Джимми. Папу никто не зовет Джеймсом».

Не получается.

Женщина снимает очки и вертит их в руках. И теряет весь свой властный вид, несмотря даже на полицейскую форму.

Она неловко спрашивает:

– М-м... а ты?..

Я сглатываю, но во рту вдруг становится сухо, а в горле встает ком.

– Я их дочь...

Делл Дьюк вылезает из машины и идет к нам по дорожке, держа в руке мой чемодан. Следом за ним идет Май. Куанг Ха остается сидеть в машине.

Второй офицер, молодой парень, обходит машину и становится рядом с напарницей. Оба молчат.

Молчат и молчат.

Мне страшно.

Потом полицейские переключают внимание на Делла. У обоих встревоженный вид. Женщина выдавливает:

– А вы кто такой?..

Делл откашливается. У него такой вид, будто пот льет изо всех пор разом. Он едва выговаривает:

– Меня зовут Делл Д-дьюк. Я школьный п-сихолог. К-консультирую этих детей. П-подвожу их домой, вот и все.

Я вижу, что полицейские разом выдыхают от облегчения.

Женщина начинает кивать – сочувственно, почти радостно, – и говорит:

– Психолог? Так она уже знает?

Я через силу спрашиваю:

– Что знает?

Но полицейские на меня не смотрят. Они смотрят только на Делла.

– Мы можем поговорить, сэр?

Я смотрю, как Делл выпускает черную пластиковую ручку чемодана из мокрой руки и идет следом за полицейскими подальше от меня, от полицейской машины, туда, где плавится раскаленный тротуар.

Они стоят, сгрудившись, спиной ко мне, и в лучах заходящего вечернего солнца походят на страшное трехглавое чудовище.

Очень страшное – потому что я все равно могу разобрать, что они говорят, хоть они и стараются понизить голос.

Я отчетливо слышу два слова:

– Произошла авария.

А потом их шепот приносит мне весть о том, что людей, которых я люблю больше всех на свете, теперь нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Отмотайте назад.

Хочу назад.

Пойдем со мной?

Глава 2

Два месяца назад

Скоро я пойду в новую школу.

Я – единственный ребенок в семье.

Меня удочерили.

Я не такая, как все.

Ну, странная.

Но я это знаю, так что можно не переживать. Я, по крайней мере, не переживаю.

Интересно, бывает так, чтоб человека любили слишком сильно?

Папа

И

Мама

Очень

Сильно

Меня

Л-Ю-Б-Я-Т.

Наверное, чем больше чего-то ждешь, тем радостнее, когда получаешь.

Корреляция между ожиданием и достижением желаемого не поддается количественному описанию и не может быть выражена математической формулой.

Но я отвлеклась – это моя вечная проблема, и еще именно поэтому хоть я и умная, а учителя меня все равно не любят.

Не любят, и все.

Так что буду придерживаться фактов.

Моя мама 7 лет пыталась забеременеть.

Это долго, ведь диагноз «бесплодие» ставится уже в случае, если зачатие не наступает в течение двенадцати месяцев регулярной половой жизни.

Я люблю медицину, но при мысли о том, что родители занимались этим регулярно, да еще с удовольствием, меня тошнит (с точки зрения медицины, тошнота – это неприятное ощущение в желудке).

За эти годы мама дважды писала на пластиковую палочку, и та становилась голубой.

Но оба раза произошел выкидыш. (Какое отвратительное слово. Выкидыш. Противное такое.)

В общем, у них никак не получалось.

Тут-то и появилась я.

7-го числа 7-го месяца (теперь понятно, почему я люблю цифру 7?) мои новые родители сели в машину, поехали в больницу за 257 миль от дома, там дали мне имя в честь дерева, растущего в умеренном климате, и изменили мир.

По крайней мере – наш мир.

Примечание. Наверное, до больницы было не 257 миль, но я хочу думать именно так. ($2+5=7$. А еще 257 – простое число. Здорово, просто супер. В моей вселенной всегда порядок.)

Так вот, в тот день меня удочерили. Папа говорит, что я ни разу даже не пискнула, зато мама проплакала все то время, что мы ехали от больницы по Пятому Южному шоссе до съезда 17В.

От радости мама всегда плачет. А когда ей грустно, просто молчит.

Я подозреваю, что у нее в этом месте какое-то нарушение эмоциональной сферы. Но это ничего, потому что обычно она всегда улыбается. Широко и весело.

Когда мои новые родители наконец купили одноэтажный оштукатуренный домик, что стоял вместе с другими такими же домами на краю долины Сан-Хоакин, нервы у них были вдрызг.

Так началось наше совместное плавание.

Я думаю, что человеку очень важно держать в голове картинки самых разных вещей. Даже неправильные. Тем более что чаще всего они неправильные и есть.

Если бы вы меня увидели, то сказали бы, что моя расовая принадлежность едва ли поддается определению.

Я из тех, кого называют «представителями другой расы».

А мои родители – нет.

Они самые белые люди на свете (и это не преувеличение).

Они белые почти до голубизны. Нет, не из-за проблем с кровообращением; просто у них пигмента маловато.

У моей мамы красивые рыжие волосы и светло-пресветло-голубые глаза, такие светлые, что кажутся серыми. Но на самом деле они не серые.

Мой папа высокий и лысоватый. Он страдает себорейным дерматитом – это значит, что у него кожа все время красная и зудит.

Я подолгу разглядывала воспаленные места и провела кучу исследований, но, конечно, для папы это то еще удовольствие.

Если вы уже составили себе впечатление о нас и теперь воображаете, как мы выглядим вместе, я скажу вам вот что: я ничуть не похожа на своих родителей, и все равно по нас сразу видно, что мы – семья.

По крайней мере, на мой взгляд.

И это – самое главное.

Кроме цифры 7 я обожаю еще две вещи. Болезни. И растения.

Под болезнями я имею в виду человеческие заболевания.

Конечно, я и себя изучаю. Но у меня все болезни всегда протекали в легкой форме и угрозы для жизни не представляли.

Я наблюдаю за мамой и папой и все записываю, но они не очень любят, когда я пытаюсь у них что-нибудь диагностировать.

Регулярно выходить из дому меня заставляет только одно (это если не считать необходимости посещать тюрьму строгого содержания, она же средняя школа, а также не учитывая еженедельных походов в городскую библиотеку): я наблюдаю за заболеваниями в различных слоях населения.

Будь моя воля, я бы по нескольку часов в день сидела в больнице, но медсестры этого почему-то не любят.

Даже если я пристраиваюсь где-нибудь в приемной и делаю вид, что читаю книжку.

Приходится ходить в местный торговый центр – там, к счастью, тоже больных хватает.

Только я там ничего не покупаю.

Я давно уже записываю увиденное в блокнот и делаю карточки для установления правильного диагноза.

Больше всего мне нравятся кожные болезни. Я их фотографирую, но только если больной (и мой папа с мамой) этого не видят.

Интерес номер два: растения.

Мы живем среди растений. Они зеленеют, растут, разбрасывают семена, тянут корни во все стороны.

А мы их даже не замечаем.

Да оглядитесь же вы вокруг, люди.

Растения прекрасны.

Если бы они умели издавать звуки, у каждого был бы свой голос. Но растения молчат, и вместо речи у них – разные цвета, и формы, и размеры, и строение листьев.

Растения не умеют мяукать, лаять или чирикать.

Мы думаем, что у них нет глаз, но они знают, на какой высоте над горизонтом стоит солнце и когда восходит луна. Они не просто чувствуют ветер; они слушаются его и начинают расти в другую сторону.

Не спешите говорить, что я сошла с ума (впрочем, такую вероятность никогда нельзя исключать) – посмотрите сначала в окно.

Вот прямо сейчас.

Надеюсь, что окно у вас выходит не на какую-нибудь парковку и не на стену соседнего дома.

Пусть вы увидите за окном высокое дерево с шелковистой листвой. Заметите, как волнуется под ветром трава на бескрайнем поле. А где-то неподалеку пробиваются сквозь трещину в асфальте сорняки. Растения везде.

Прошу вас, посмотрите на них по-новому. Они – целый мир.

С большой буквы М.

Мой родной городок ничем не отличается от других городов Калифорнийской долины: пустынный климат, ни озерца, ни речки, сушь и страшная жара больше половины дней в году.

Впрочем, я живу здесь всю жизнь, и давно привыкла к тому, что на улице месяц за месяцем держится температура под сорок градусов.

У нас это называется лето.

Однако совершенно очевидно, что, если отбросить жару, условия для выращивания растений у нас идеальные – яркое солнце, плодородная почва, только бы воды добавить.

Я и добавила.

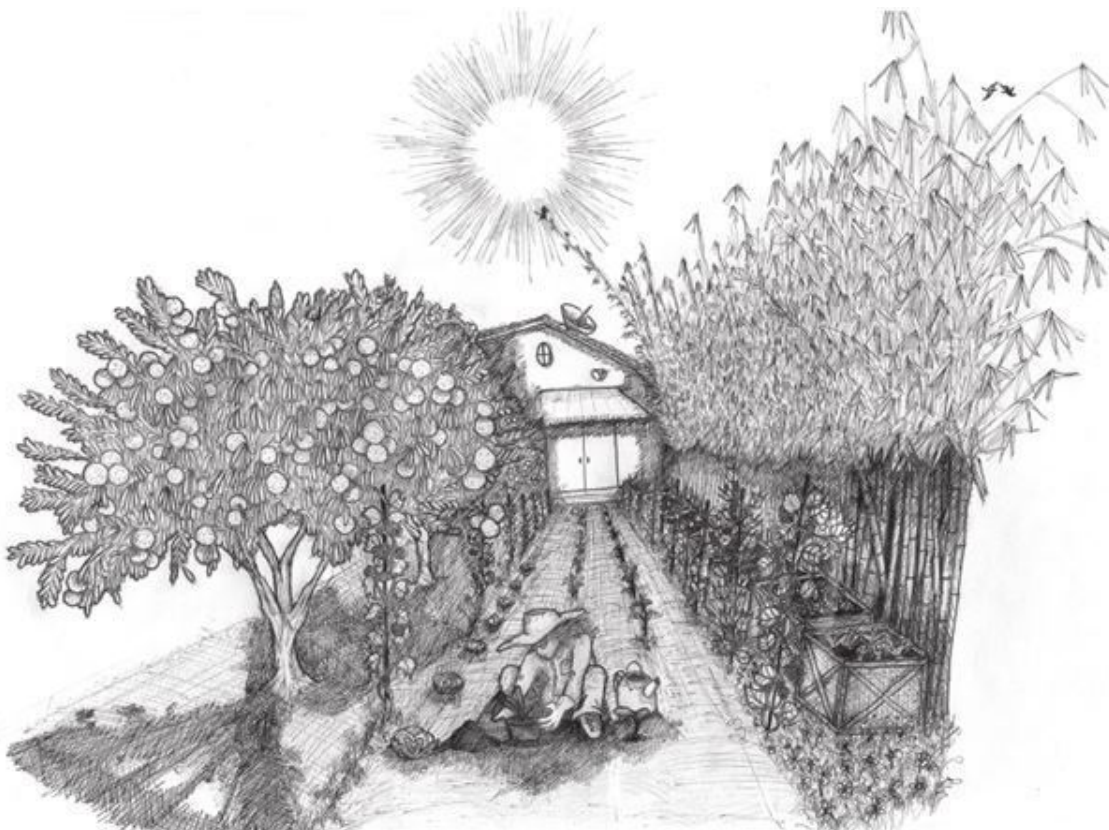
Поэтому там, где у нас перед домом раньше был клочок газона, сейчас высится бамбуковый лес пятнадцати метров в высоту.

Еще у меня есть огород, где круглый год зреют овощи, а рядом с огородом я посадила цитрусовые деревья (апельсиновое, грейпфрутовое и лаймовое).

У меня растет виноград, различные вьющиеся растения, однолетние и многолетние цветы, и есть пяточок с тропическими растениями.

Чтобы узнать меня, нужно узнать мой сад.

Мой сад – мое святилище.

Есть что-то невыразимо печальное в том, что человек не помнит самые-самые первые годы своей жизни.

Мне всегда кажется, что именно там скрыт ключ к ответу на вопрос «Кто я?».

О чем был мой первый страшный сон?

Что я почувствовала, когда сделала самый первый шаг?

Как я поняла, что пришла пора отказаться от подгузников?

От года до трех я помню себя очень смутно, а первые связные воспоминания относятся уже к детскому саду, хотя вот его я как раз старалась позабыть изо всех сил.

Родители сказали, что в детском саду будет очень весело.

Они ошиблись.

Школа, в которой был устроен детский сад, располагалась всего в нескольких кварталах от нашего дома; именно там, в школе, я впервые преступила черту и усомнилась в системе образования.

В тот день миссис Кинг, наша воспитательница, прочла нам детскую книжку с картинками. Книжка несла в себе все недостатки, которыми грешит большинство литературы для дошкольников: повторы, нудные стишки и откровенное перевираание научных фактов.

Помню, как миссис Кинг спросила учеников:

– Что вы почувствовали, когда мы читали эту книгу?

Лично я могла бы честно сказать, что мне было скучно, – незадолго до этого наша воспитательница, приторно улыбаясь, велела нам улечься на липучие резиновые матрасики и двадцать минут полежать, потому что так полагалось после «обеденной книжки с картинками».

Половина детей при этом обычно крепко засыпала.

Я очень хорошо помню, что мальчик по имени Майлз два раза описался, а все остальные, кроме разве что некоего Гаррисона (у него явно имелся синдром беспокойных ног), были совсем не прочь полежать и отдохнуть.

О чем они вообще думали?

Всю первую неделю, пока остальная группа отключалась, у меня в голове без конца крутились мысли о том, насколько эффективно в садике поддерживают чистоту напольного покрытия.

Как сейчас помню: миссис Кинг сидит, выпрямив спину, а пронзительный ее голос так и бьет по ушам:

– Так что же вы почувствовали, когда мы читали книгу?

Тут она несколько раз демонстративно зевнула.

Помню, я заозиралась на других детей, думая: «Пожалуйста, ну пожалуйста, пусть ей кто-нибудь крикнет: «Скука»!»

Все те пять дней, что я ходила в сад, я не проронила ни звука, и не имела никакого желания что-то менять.

Но за эти пять дней я услышала от взрослых больше вранья, чем за всю прежнюю жизнь, – то нас уверяли, что по ночам в группе наводят порядок добрые феи, то рассказывали какие-то безумные вещи о том, что положено иметь наготове на случай землетрясения, – и потому была уже на грани.

И вот когда воспитательница обратилась ко мне:

– Что ты почувствовала, когда мы читали книгу, Ива? – я ответила прямо:

– Мне совершенно не понравилось. От Земли до Луны триста восемьдесят четыре тысячи километров, поэтому Луна не услышит никакого «баю-баюшки». У кроликов не бывает домов. И иллюстрации скучноватые.

Я прикусила нижнюю губу и почувствовала во рту металлический привкус крови.

– Но больше всего мне не нравится, когда вы нам читаете, потому что вы заставляете нас лежать на полу – а там микробы, и мы можем заболеть. Вдруг там сальмонелла? Эта бактерия очень опасна, и для детей – в особенности.

В тот день я выучила новое слово: «чокнутая» – так меня называли между собой дети.

Когда за мной приехала мама, я сидела на площадке за мусорным контейнером и плакала.

Той осенью меня отвели к консультанту по вопросам обучения. Мне дали разные тесты, а потом родителям пришло письмо.

Я его прочла.

В нем было сказано, что я «высокоодаренный ребенок».

А остальные люди тогда какие – «низкоодаренные»?

Или «среднеодаренные»?

Или просто «одаренные»? Что, если любые ярлыки – зло? Ярлыкам место на бутылках с чистящим средством.

Просто мне кажется, что нельзя думать, будто все люди устроены одинаково.

В каждом человеке намешано столько всего разного, что двух одинаковых людей быть не может.

Все мы – мешанина генов. Все далеки от идеала.

Если верить миссис Грейс В. Мирман – консультанту, к которому меня водили, – родителям «высокоодаренных» детей труднее всего сделать так, чтобы их ребенок был все время чем-то занят и заинтересован.

По-моему, она не права.

Мне интересно почти все.

Я могу подолгу наблюдать за струями воды из поли-валки на газоне. Я могу долго, очень долго сидеть над микроскопом.

Самым трудным для моих родителей было другое – найти тех, кто не прочь дружить с таким человеком, как я.

Так у нас и появился сад.

Мама с папой сказали, что хотели сделать мою жизнь насыщенной. Впрочем, по-моему, кое-что было очевидно с самого начала.

Растения не отвечают, даже если с ними заговоришь.

Глава 3

И вот мы всей семьей принялись огородничать. На фотографиях, где мы впервые едем за семенами и выбираем саженцы, у меня страшно довольный вид.

Вскоре я придумала себе костюм для работы в саду.

Прошло уже столько времени, а он все тот же.

Можно сказать, униформа.

Я почти всегда хожу в рубашке цвета хаки и в красной панаме, чтобы не перегреться на солнце. (Красный – мой любимый цвет, потому что он играет очень важную роль в растительном мире.)

Еще я ношу светло-коричневые брюки со вшитыми наколенниками. И кожаные рабочие ботинки на шнурках.

Это очень практичная одежда.

Волосы – длинные, курчавые, непослушные – я убираю назад и закалываю какой-нибудь заколкой. На случай, если нужно будет что-то внимательно рассмотреть, я ношу увеличительные очки (как у старичков).

Отправившись в этом наряде в сад, я установила (в 7 лет, посредством химического анализа), что появляющиеся на садовой мебели черные точки – это пчелиные какашки.

Меня удивило, как мало людей знали об этом до меня.

В идеальном мире я круглые сутки занималась бы исследованиями.

Однако людям юного возраста для роста и развития необходим сон.

Я точно определила собственные биоритмы и выяснила, что каждую ночь должна спать по 7 часов и 47 минут.

И это не потому, что я обожаю число 7.

Хотя и вправду обожаю.

Просто вот такие у меня циркадные ритмы. Химия, и все тут.

Химия – она везде.

Мне сказали, что я слишком погружена в себя.

Может быть, именно поэтому я с трудом выносила школу и почти не имела друзей.

Впрочем, мой сад познакомил меня с другими видами совместного времяпрепровождения.

Когда мне было восемь лет, шумная стая воробьиных попугаев облюбовала винную пальму, что росла за домом близ забора.

Пара попугаев построила гнездо, и я видела, как попугаи вывели птенцов.

Каждый птенчик чирикал на свой лад, не похоже на остальных.

Правда, об этом, наверное, знали только мама-попугаиха да я.

Когда самого младшего птенчика старшие вытолкнули из гнезда, я подобрала малыша и назвала его Упал.

Его пришлось кормить с руки, и поначалу – чуть ли не непрерывно, круглые сутки напролет. Так я усыновила попугая.

Когда Упал окреп и научился летать, я вернула его в стаю.

Я была очень довольна.

И в то же время расставание с ним разрывало мне сердце.

Так я узнала, что радость и горечь зачастую неразлучны.

В начальной школе «Роза» у меня была одна настоящая подруга.

Ее звали Маргарет З. Бакл.

«З» она вставила сама, потому что второго имени у нее не было, а Маргарет очень хотела, чтобы в ней видели личность.

Но после пятого класса Маргарет (не вздумайте назвать ее Пегги!) уехала. Ее мама была инженером-нефтяником, и ее перевели в Канаду.

Я надеялась, что мы с Маргарет будем дружить по-прежнему, несмотря на разлуку.

Поначалу так оно и было.

Но, наверное, в Канаде люди гораздо добрее, чем у нас, потому что в Бейкерсвилле мы с Маргарет были вдвоем против остального мира.

А там она обзавелась целой кучей друзей.

Теперь мы редко друг другу пишем, и Маргарет всякий раз присылает фотографию какого-нибудь нового свитера. Или рассказывает про свою любимую группу.

Ей больше не интересно говорить о хирофтерофилии – это опыление растений летучими мышами.

Она оставила прошлое позади.

И кто может ее за это винить?

Когда Маргарет уехала в Канаду, меня перевели в среднюю школу «Секвойя», и я надеялась, что найду там новых друзей.

Увы, не вышло.

Для своих лет я не вышла ростом, но мне все равно очень хотелось стать «секвойей».

Меня обнадеживало уже то, что символом этой школы было дерево.

Школа «Секвойя» стояла на другом конце города. Все дети, с которыми я училась в младших классах, пошли в школу «Эмерсон», и родители решили, что в «Секвойе» у меня будет возможность начать с чистого листа.

Чтобы меня туда взяли, родителям пришлось добиваться специального разрешения от властей округа.

Мама с папой считали, что мне просто не встретился учитель, который смог бы меня понять. А по-моему, точнее было бы сказать, что это я никогда не понимала своих учителей.

Есть же разница.

Я ждала наступления осени и начала занятий в новой школе с тем же чувством, с каким когда-то высматривала, не зацвел ли мой *Amorphophallus paeoniifolius*.

Было время, когда я увлекалась разведением редких трупных цветов.

Мне они понравились за необычность.

Темно-красные с фиолетовым отливом лепестки походили на бархат; хоть шкатулку выстилай изнутри. А из центра торчало длинное зловещее рыльце, напоминающее пожелтевший старческий палец.

Оказалось, что своей дурной репутацией растение это обязано запаху. Когда раскрывается цветок, вонь стоит такая, словно из могилы выкопали разложившийся труп.

Неописуемая мерзость. К такому надо привыкнуть.

Винно-красный цветок выглядит очень необычно, но из-за вони ни одно животное к нему не приблизится и, уж конечно, не станет пробовать на вкус.

Это как духи наоборот.

Я надеялась, что в средней школе моя жизнь изменится. Мне казалось, что я – редкое растение, которое вот-вот откроет миру свои потаенные глубины.

Вот бы только не оказаться вонючкой.

Я честно старалась вписаться.

Я изучала повадки подростков – это интересно, потому что я и сама очень скоро стану подростком.

Я читала о том, как подростки водят машину, о том, как подростки убегают из дома, о том, как подростки бросают школу. Просто кошмар какой-то.

Но ни в одном исследовании не было ничего о том, что меня интересовало больше всего. Ни слова о том, как подростки дружат.

Если верить статьям, у подростков просто нет времени на установление близких отношений: то они нарушают закон, то покушаются на жизнь, не на свою, так на чужую.

Впрочем, какие-то отношения все же случаются – их следствием становятся подростковые беременности.

Вот об этом понаписано предостаточно.

Незадолго до начала занятий меня отвезли на осмотр к врачу.

Вышло гораздо, гораздо, гораздо лучше, чем я ожидала, потому что у меня впервые в жизни нашли настоящую проблему со здоровьем.

Я ждала этого целых двенадцать лет.

Мне выписали очки.

Да, с минимальными диоптриями.

И да, не исключено, что нарушением зрения я была обязана переутомлению глаз (потому что подолгу смотрю в книгу или на экран компьютера, в общем, на что-то совсем рядом, но мало смотрю вдаль и редко перевожу взгляд).

Осталось только поздравить себя с этим достижением – я давно мечтала заполучить близорукость, и наконец мечта сбылась.

После осмотра мы поехали к офтальмологу, и я выбрала себе очки. Мне понравились оправы как у Ганди.

Мои очки были круглые, в металлической оправе и очень «старомодные», как выразилась женщина, ведавшая этой частью процесса.

Они подходили мне как нельзя лучше, ибо мне предстояло вступить в дивный новый мир с покоем в душе.

За неделю до начала занятий я приняла еще одно важное решение.

Мы сидели за столом. Я проглотила изрядную порцию здорового завтрака, состоявшего из свекольной зелени с семенами льна (и то и другое мы вырастили сами) и сказала:

– Я решила, что надену в первый школьный день.

Папа стоял у раковины и украдкой откусывал от пончика. Я изо всех сил стараюсь отучить родителей от нездоровой пищи, но они все равно тайком потакают своим дурным привычкам.

Папа быстро проглотил кусок глазированного теста и спросил:

– И что же?

Я с удовольствием ответила:

– Костюм для работы в саду.

Наверное, папа откусил слишком много – голос у него был такой, будто еда встала у него в горле комом. Он только выдавил:

– Думаешь, стоит?

Конечно стоит, подумала я. Но ответила сдержанно:

– Да. Но если ты боишься за бинокль, то я оставлю его дома.

Тут к нам повернулась мама – она как раз разгружала посудомойку. Я увидела ее лицо. Мама была огорчена. Как будто, не знаю, вся посуда осталась грязной (такое уже бывало).

Но потом ее лицо снова стало спокойным, и она сказала:

– Как ты интересно придумала, детка. Я только не знаю... поймут ли тебя другие дети?

Может быть, наденешь что-нибудь поярче? Красное, например. Ты же любишь красное.

Они ничего не поняли.

В первый день в новой школе я смогу сразу заявить о себе. Мне нужно было как-то выразить перед окружающими свою личность, однако скрыть при этом кое-какие глубинные свойства характера.

Я не удержалась и принялась объяснять:

– Я хочу, чтобы сразу было видно, что я люблю природу.

Родители обменялись быстрыми взглядами.

У папы на передних зубах осталась глазурь, я не стала ему на это указывать, тем более что он уже заговорил:

– Ах да, конечно. Что ж, ты права.

Я опустила голову и принялась считать семена льна у себя в миске, умножая каждое число на 7.

7	14	21	28	35	42	49	56	63	70
77	84	91	98	105	112	119	126	133	140
147	154	161	168	175	182	189	196	203	210
217	224	231	238	245	252	259	266	273	280
287	294	301	308	315	322	329	336	343	350
357	364	371	378	385	392	399	406	413	420
427	434	441	448	455	462	469	476	483	490
497	504	511	518	525	532	539	546	553	560

Это помогает отвлечься.

Назавтра у меня на кровати сам собой возник подростковый журнал *Teen Vogue*.

В этом месяце все статьи были об одном и том же: «Снова в школу».

С обложки неправдоподобно широко улыбалась девочка-подросток с желтыми, как банан, волосами. Заголовок гласил:

«А ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ГОВОРIT О ТЕБЕ ТВОЙ НАРЯД?»

Родители так и не признались, кто из них подложил мне журнал.

Глава 4

Накануне начала занятий родители еще несколько раз высказывали какие-то странные предложения.

В конце концов я решила, что, наверное, у них есть какие-то травмы из подросткового возраста.

В первый учебный день, когда пора было отправляться в новую школу, я уложила вещи в красный чемодан на колесиках (его придумали для тех, кто часто ездит в командировки, но я вожу в нем учебники и тетрадки) и мы пошли к машине.

Папа с мамой твердо сказали, что подвезут меня до школы. Однако в здание, по моему настоянию, они меня сопровождать не будут.

Я внимательно рассмотрела поэтажный план школьных зданий и запомнила все, от высоты потолков до расположения запасных выходов и электрических розеток.

Меня заранее записали на английский, математику, испанский, физкультуру, социологию и естественные науки.

Я хорошо знала все эти предметы (если не считать физкультуры).

Я вычислила, сколько времени мне потребуется, чтобы пересечь каждый холл, а также подсчитала кубический объем шкафчика для личных вещей.

Я могла наизусть рассказать содержимое буклета для школьников.

Машина тронулась и покатила по подъездной дорожке. Я сгорала от волнения, но твердо знала одно.

К школе я готова.

Я ошибалась.

Там было ужасно шумно.

Девочки визжали, а мальчики нападали друг на друга с применением силы.

По крайней мере, выглядело это именно так.

Мне ужасно не хотелось снимать красную панаму.

Красный – мой личный цвет, но все-таки панاما используется для защиты от солнца.

Я присоединилась к толпе и сделала четыре шага. Тут подошла какая-то девочка.

Она прошагала напрямик ко мне и сказала:

– На втором этаже сломался туалет. Вообще не работает.

Помахала рукой куда-то в сторону агрессивных мальчишек и была такова.

Несколько мгновений я раздумывала над ее заявлением.

Это что, какое-то предостережение?

Я увидела, как моя собеседница подошла к двум девочкам, стоявшим рядом со шкафчиками, но с ними она говорила не так напористо.

Оглядев толпу, я зацепилась взглядом за худощавого темноволосого человека, который вез за собой тележку со щетками и бутылками. Сзади к тележке были приторочены две швабры.

Я присмотрелась и поняла, что мы с ним одеты почти одинаково.

Вот только за ним ехал не чемодан с плавающими колесиками и возможностью разворота на 360 градусов, а тележка с чистящими принадлежностями.

И тут мне в голову пришла неприятная мысль: возможно, та девочка приняла меня за обслуживающий персонал.

Я продержалась меньше трех часов.

От всей этой школьной жизни меня начало сильно тошнить. Из соображений, связанных со здоровьем и безопасностью, я пошла в учительскую и настояла на звонке родителям.

Я ждала на улице, на тротуаре, и от одного вида маминой машины мне сразу стало легче дышать.

Не успела я залезть внутрь, как мама быстро сказала:

– В первые дни всегда трудно.

Если бы я имела привычку плакать, то наверняка расплакалась бы, вот только это не в моем характере. Я почти никогда не плачу. Так что я просто кивнула и стала смотреть в окно.

Я могу уйти в себя.

Остаток дня я провела в саду.

Не перекапывала землю, не полола клумбы, не прививала деревья, а просто сидела в тени и слушала курс японского языка.

Вечером я встала у окна, глядела в небо и считала по 7, установив в результате новый рекорд.

Я честно пыталась прижиться.

Но учили нас одному, а училась я совсем другому, и ничего общего между этим не было.

Учителя трудолюбиво вели нас сквозь дебри своего предмета, а я сидела на заднем ряду и скучала. Я все это знала и так, поэтому вместо того, чтобы слушать, рассматривала своих одноклассников.

Из своего опыта посещения средней школы я сделала несколько выводов.

Здесь очень важно, во что ты одет.

В моем идеальном мире все, кто является в образовательное учреждение, должны носить лабораторные халаты, но в настоящей школе ученики одевались кто во что горазд.

Типичный подросток охотно носит крайне неудобную одежду.

Я давно заметила, что чем старше становится человек, тем больше он ценит «удобство».

Вот почему пожилые люди так часто носят брюки на резинке. Или вообще ходят в халате. Кстати, возможно, поэтому дедушки и бабушки так часто дарят внукам пижамы и халаты.

Что до одежды моих одноклассников, то вся она была, на мой взгляд, либо слишком тесной, либо чересчур широкой.

По всей видимости, одежда подходящего размера дресс-кодом не допускалась.

Процветало самовыражение посредством причесок и аксессуаров.

Огромной популярностью пользовался черный цвет.

Некоторые школьники прикладывали массу усилий, чтобы выделиться на общем фоне.

А некоторые так же усердно стремились с этим фоном слиться.

Музыка была чем-то вроде религии.

Иногда она объединяла, иногда – разобщала. Поклонники каждой группы держались особняком и вели себя строго определенным образом.

Взаимодействие между мужскими и женскими особями отличалось разнообразием, интенсивностью и высокой степенью непредсказуемости.

Физических контактов было больше, нежели я ожидала.

Некоторые школьники не считали нужным держать себя в руках.

Никого не волновало здоровое питание.

Половина мальчиков не знали слова «дезодорант».

И еще здесь явно злоупотребляли эпитетом «потрясающий».

Мои школьные злключения продолжались вот уже 7 дней. И тут на уроке английского миссис Кляйнсэссер объявила:

– Сегодня мы пишем стандартный мониторинг, предлагаемый всем школьникам штата Калифорния. У каждого из вас на парте лежит буклет и карандаш номер два. Не открывайте буклеты, пока я не скажу.

Потом миссис Кляйнсэссер подала сигнал приготовиться и запустила секундомер.

И тут я вдруг решила поучаствовать.

Я взяла карандаш и принялась вписывать ответы.

Через 17 минут и 47 секунд я встала с места, подошла к учительскому столу и отдала учительнице листок с ответами и буклет.

Я потихоньку вышла за дверь и, кажется, услышала перешептывания за спиной.

На все вопросы мониторинга я ответила правильно.

Через неделю я снова вошла в класс миссис Кляйнсэссер. Она меня уже ждала. Она сказала:

– Ива Чэнс, тебя вызывают к директору.

Услышав об этом, класс загудел, словно рабочие пчелы в чашечке цветка.

Я пошла к двери, но в последний миг обернулась.

Должно быть, они поняли, что я хочу что-то сказать, потому что под моим взглядом все замолчали.

Я заставила себя говорить и сказала:

– У меня дома расцвел трупный цветок.

Я почти уверена, что никто ничего не понял.

Кабинет директрисы Рудин выглядел вовсе не так солидно, как мне представлялось.

Директриса, нервозная женщина, наклонилась ко мне через стол, и на лбу у нее обозначились странные изогнутые линии, пересекающиеся одна с другой.

Я подумала, что, если мы просидим так достаточно долго, я увижу у нее на лбу какое-нибудь математическое уравнение.

Но не успела я понять, по какому принципу пересекаются морщины, как они сменили местоположение, а директор сказала:

– Ива, ты знаешь, зачем я тебя вызвала?

Я решила не отвечать – надеялась, что кожа у нее на лбу снова соберется в тот причудливый узор.

Директор смотрела не моргая.

– Ты списывала.

Я услышала собственный голос:

– Я ничего не списывала.

Директриса вздохнула.

– Я посмотрела твое дело. Несколько лет назад у тебя признали выдающиеся способности, однако учителя не могут назвать тебя блестящей ученицей. Ни один школьник в штате не смог правильно ответить на все вопросы.

Я почувствовала, что щеки у меня становятся горячие. Я сказала:

– Правда?

Но на самом деле мне хотелось выкрикнуть:

«У вас на левом локте псориаз в пятой стадии. Псориаз – это кожное заболевание, симптомом которого являются обширные ярко-красные пятна.

Для облегчения состояния я порекомендовала бы курс кортизоновой мази 2,5 %, а также регулярные солнечные ванны – разумеется, при условии, что вы будете избегать солнечных ожогов».

Но ничего этого я не сказала.

Я очень редко имела дело с теми, кто главнее меня. И вовсе не имела опыта медицинской деятельности.

Так что я не стала отстаивать свою правоту.

Просто перестала отвечать.

Последовавший за этим односторонний допрос продлился 47 минут.

Директриса не могла доказать, что я списывала, но была уверена, что без мошенничества с моей стороны не обошлось. В конце концов она меня отпустила.

Но перед этим выдала официальное предписание: посетить одного из школьных психологов, которые работали в главном офисе школьного управления.

К психологу отправляли самых проблемных.

Моего психолога звали Делл Дьюк.

Глава 5

Делл Дьюк

Глупец метит не в ту мишень и попадает в цель.

Делл Дьюк и сам не мог поверить, что в итоге угодил в сельскую глубинку.

Разве об этом он мечтал?

Делвуд была фамилия его матери, и при рождении та навесила ее на сына в качестве имени. К счастью, Делвудом его никто никогда не звал.

С самого начала он звался Делл.

Имя свое Делл ненавидел, однако фамилией Дьюк даже немного гордился.

Очень мало кто в семье помнил, что еще два поколения назад их фамилия была Дуфинакас, однако, по мнению Делла, прадедушка-грек, которого звали Джорджем, поступил с ней именно так, как следовало.

Всем, кто готов был его слушать, Делл намекал, что его семья имеет некоторое отношение к основанию Университета Дьюка. Кроме того, некогда его предки якобы носили герцогскую корону. Потому что «дьюк» – это еще и «герцог».

Делл Дьюк с детства хотел быть врачом, потому что любил смотреть телесериалы, в которых герои ходили в белых халатах, каждую неделю спасали чью-нибудь жизнь, а еще носили стильные прически и показывали в улыбке белоснежные зубы.

Ну и потом, как славно звучит – доктор Делл Дьюк. Три буквы «д» подряд лучше, чем две.

Вот Делл и стал изучать в колледже биологию, да только не слишком удачно – оказалось, что он не способен запоминать информацию.

Любые факты, попав в его голову, сначала претерпевали необратимые изменения, а потом быстро испарялись из сознания.

Может, они, конечно, утекали куда-нибудь в подсознание, но к этой части своего мозга Делл доступа не имел.

Добравшись до второго семестра, он в четвертый раз сменил область и переключился с естественных наук на гуманитарные.

Учеба в колледже отняла у него шесть с половиной лет, но вышел он оттуда со степенью по психологии.

После долгих поисков он нашел работу в заведении, где жили престарелые, которые могли себя обслуживать, но нуждались в некоторой бытовой помощи. Деллу предложили должность ответственного по организации работы с пациентами.

Всего через три месяца его попросили освободить место.

Пожилым людям Делл не нравился. Он не слишком им сочувствовал и не горел желанием обсуждать проблемы со здоровьем. Не раз и не два он в приступе паники выбегал из комнаты, где занимался с пациентами.

Работать с заключенными Делл слишком боялся, поэтому нацелился на систему всеобщего образования.

Он отправился на вечерние курсы, и еще три года спустя получил право на оказание психологической помощи подросткам. Путь в школу был открыт.

Вот только брать его на работу никто не спешил.

Делл рассылал резюме буквально сотнями, три года был на побегушках в баре, таскал неприятливым судомойкам тазы с грязными стаканами, вставил наконец в резюме пару строк о профессиональном опыте, которого на самом деле не имел, и добился-таки своего.

Бейкерсфилд.

На бумаге все выглядело невероятно привлекательно.

Карта утверждала, что Бейкерсфилд расположен на юге Калифорнии. Деллу виделось катание на серфах, загорелые друзья, выходящий на море балкон, где они будут посиживать, угощаясь пикантными кукурузными чипсами.

Увы, как выяснилось, в центре Калифорнийской долины температура месяцами напролет держится на отметке в сорок градусов. Плоская иссохшая равнина, ни намек на море.

Да, как оказалось, Бейкерсфилд – это вам не Малибу.

И даже не Фресно.

Делл принял предложение, сложил пожитки в находящийся на последнем издыхании «форд» и поехал на юг.

Прощальную вечеринку он устраивать не стал – в городке Валла-Валла, штат Вашингтон, его отъезд никого не волновал.

На должности школьного психолога Делл должен был работать со сложными случаями.

Под сложными случаями имелись в виду проблемные ученики средних классов, беды которых почти всегда были следствием плохого поведения. Школа с этими башибузуками справиться не могла.

Каждый новый день начинался с просмотра нескольких десятков писем, которые еженедельно присылали директора школ.

Некоторых школьников направляли к психологу по причине склонности к физическому насилию. Они обижали других детей. Если драка случалась в школе, драчуна немедленно отстраняли от занятий.

Хочешь драться – дерись, лишь бы не в школьной столовой и не на парковке.

Вот на тротуаре уже можно.

Попадались и прогульщики.

Делла поразила ирония, заключенная в правилах: если ребенок прогуливает школу, его накажут и при этом пригрозят и вовсе выставить вон.

Кроме драчунов и прогульщиков были еще любители наркотиков и воришки.

Впрочем, эти до Делла никогда не доходили. Система разбиралась с юными преступниками самолично. (Делл жалел, что к нему на консультации не ходят настоящие нарушители. Яркие личности, с ними должно быть интересно.)

Все остальные отправлялись к психологам.

Школьных психологов было трое, и пациентов они делили между собой. Делл был новенький, его взяли на место Дики Винкельмана, который отработал сорок два года и вышел на пенсию. (Делл так и не познакомился с Дики Винкельманом, но, по слухам, с работы тот ушел совершенно сломленным человеком.)

Деллу, как новичку, доставались те дети, с которыми другие консультанты работать не хотели.

Для себя Делл сформулировал это так: ему доставались неудачники из неудачников.

Впрочем, его это устраивало, потому что приходившие к нему школьники едва ли стали бы бегать по инстанциям и жаловаться, что им достался никудышный психолог. Эти ребята разочаровались в системе еще прежде, чем попали в его руки.

Ну и ладно.

Деллу было хорошо за тридцать, он не блистал ни проницательностью, ни глубокомыслием и знал, что работа в Бейкерсфилде решит его судьбу.

Беда в том, что Делл любил копить все подряд. Он никогда ничего не выбрасывал, поскольку не мог определить, что еще пригодится, а что – нет.

Кроме того, ему нравилось владеть вещами. Раз уж сам он ни к чему не принадлежит, по крайней мере, что-то будет принадлежать ему.

Проглядывая бумажные дела, которые вел Дики Винкельман еще до появления электронной системы, Делл обнаружил, что Дики делил школьников на группы.

По всей видимости, использовал он для этого три критерия.

Активность

Терпение

Способность концентрировать внимание

Психолог Винкельман писал очень подробные, невероятно скрупулезные отчеты, в которых стремился точно определить уровень способностей и степень проблемности каждого ученика.

Делл и поразился, и ужаснулся.

Он ни за что не смог бы делать все так, как делал Винкельман. Это же сколько надо работать!

Так что пришлось Деллу придумывать собственный способ разобрать по сортам бурьян, с которым ему приходилось иметь дело.

Всего через три месяца Классификация странных типов была готова.

Всех приходивших к нему школьников Делл обозначал как «странных типов», а потом делил на четыре группы.

Первая – «БЕЛЫЕ ВОРОНЫ».

За ней – «ВЫПЕНДРЕЖНИКИ».

Третьим номером шли «ВОЛКИ-ОДИНОЧКИ».

И наконец – «ЧОКНУТЫЕ».

Конечно, Делл вовсе не должен был делить школьников таким образом, но как, спрашивается, навести порядок без какой-никакой системы?

Ярлыки – вещь важная. И очень эффективная. Если бы он думал о каждом из своих пациентов по отдельности, то быстро сошел бы с ума.

Согласно Психологической системе Делла Дьюка, в категорию «белых ворон» попадали странноватые ребята, которые неизменно одевались не так, как все, и чувствовали себя не в своей тарелке.

У «белых ворон» не хватало внутренней силы. А на кого-то еще в младенчестве махнули рукой. В общем, «белые вороны» никак не могли вписаться в коллектив, хоть и пытались.

«Выпендрежники» отличались от «белых ворон» тем, что были оригинальнее и всегда оказывались на шаг впереди остальных.

Им нравилось быть странными. Среди них попадались художники и музыканты. Они любили рисовку, а еду предпочитали острую и перченую. Обычно они опаздывали, часто носили одежду оранжевого цвета и не умели обращаться с деньгами.

Следующими шли «волки-одиночки».

Эти были записные бунтовщики. Сами они считали себя борцами и мятежниками.

«Волки-одиночки» чаще всего оказывались злыми волками, а «белые вороны», как правило, пребывали в спокойном и умиротворенном состоянии духа. Что же до «выпендрежников», то они просто играли по собственным невидимым нотам.

Последними в классификации Делла шли «чокнутые».

В категорию «чокнутых» входили «зомби» – школьники, которые смотрели прямо перед собой и не отзывались, как бы вы ни старались выжать из них хоть какие-то эмоции.

Пациент из «чокнутых» непременно имел привычку мусолить во рту прядь собственных волос или таращился не мигая на испачканный ковер, даже если вокруг бушевал пожар.

«Чокнутые» грызли ногти и то и дело почесывались. Они что-то скрывали, а порой оказывались не приучены к туалету. В общем, в категорию «чокнутых» попадали натуральные

психи, поведение которых предсказать было невозможно. Делл полагал, что они могут быть опасны. «Чокнутых» он предпочитал вообще не трогать.

Вот и все.

И очень даже просто.

Проще некуда.

Файлы, которые вел Делл, вполне могли попасть в кабинеты повыше, нежели его комната без окон (половина старого трейлера, стоявшего на территории административных служб школы), и потому Делл придумал для своей системы особую кодировку. Саму систему он называл про себя ЧГСТ, что значило —

ЧЕТЫРЕ ГРУППЫ СТРАННЫХ ТИПОВ.

ЧГСТ делились так:

1 – белые вороны

2 – выпендрожники

3 – волки-одиночки

4 – чокнутые

Кроме того, хорошенько поразмыслив, Делл снабдил свою уникальную систему цветовыми кодами.

Белым воронам достался желтый цвет.

Выпендрожникам – фиолетовый.

Волкам-одиночкам – зеленый.

Чокнутым – красный.

Оставалось только открыть компьютерные файлы с личными делами и поменять в них цвет шрифта в соответствии с подходящей категорией.

Теперь для того, чтобы понять, с кем имеешь дело, хватало одного взгляда.

На экране возникало имя «Эдди Фон Снодграсс» – и не успевал вертлявый парнишка в куртке не по размеру плюхнуться на стул, как Делл уже знал, что в ближайшие сорок две минуты можно будет потихоньку лазать по Интернету, лишь изредка кивая головой в знак внимания.

С «волками-одиночками» лучше говорить как можно меньше, уж больно часто они рычат и кусаются.

Так что, пока Эдди Ф. разорялся на тему жуткой химии, которую кладут в газировку, Делл преспокойно листал сайт, предлагавший кукол-болванчиков с головами известных бейсболистов, и все – по очень приемлемым ценам.

Вся эта спортивная атрибутика Делла совершенно не интересовала!

Но Классификация странных типов работала, даже если сам он в это время бездельничал.

Надо было только занести школьника в подходящую категорию, и дальше все бланки заполнялись молниеносно – всем, кто попадал в одну и ту же категорию, Делл ставил одинаковую отметку.

Шли месяцы. Одни дети приходили, другие – уходили. Поезда «не таких» отправлялись строго по расписанию.

А потом однажды к Деллу явилась Ива Чэнс, и диагностическая система закрипела и встала, словно изношенный механизм, меж шестерней которого сунули вилку.

Глава 6

В этом то-ли-офисе-то-ли-трейлере было нечем дышать. Я сидела и смотрела на мистера Делла Дьюка.

У него была удивительно круглая голова. Вообще у большинства людей головы вытянутые. Форма, приближенная к сферической, встречается очень-очень редко.

Этот грузный бородатый человек с кустистыми бровями и хитрыми глазками оказался исключением.

Волосы у него были густые и курчавые, а кожа – красноватого оттенка, и я решила, что, наверное, кто-то из его предков жил на Средиземном море.

У жителей средиземноморских стран очень интересный рацион.

Как доказали многочисленные исследователи, сочетание оливкового масла, разнообразных фруктов и козьего сыра с добавлением значительного количества рыбы и мяса способствует долголетию.

Правда, мистер Делл Дьюк не походил на особо здорового человека.

По-моему, он слишком мало занимался спортом. Из-под просторной рубашки выпирало изрядное брюшко.

А ведь избыточный вес в районе талии гораздо опаснее лишних килограммов на заду.

Конечно, в рамках современной культуры мужчина с большим задом считается менее привлекательным, нежели мужчина с брюшком, однако с эволюционной точки зрения это абсолютная ахинея.

Вот бы узнать, какое у него давление.

Первым делом он сказал, что не собирается обсуждать результаты того мониторинга.

Но потом только о них и говорил.

Я отмалчивалась и ничего не отвечала.

Поэтому он говорил еще больше.

Ни о чем.

В маленьком захламленном кабинете было очень жарко, и, глядя на психолога, я заметила, что он обливается потом.

У него даже борода начала намокать.

Он говорил все громче и громче. При каждом слове в уголках рта появлялись капельки слюны.

Вроде белой пены.

На столе у мистера Делла Дьюка стояла большая банка с конфетами.

Мне он не предложил.

Я не ем конфет, а вот он – наверняка.

Я подумала, что, наверное, он держит конфеты на столе, чтобы все думали, что это для детей, а на самом деле тайком объедается ими сам.

Я прикинула, сколько примерно конфет в банке.

Объем одной конфетки составляет $h(\pi)(d/2)^2 = 2 \text{ см} \times 3(1,5 \text{ см}/2)^2 = 3,375$, или $27/8$ кубического сантиметра.

Правда, конфеты на самом деле имеют неправильную форму и настоящими цилиндрами не являются.

Так что подсчет вышел неточный.

Лучше бы я сосчитала их по 7 – было бы веселее.

Я не сказала родителям, что меня вызывала директриса Экзема.

И что меня отправили к школьному надзирателю или вроде того по имени Делл Дьюк – тоже не сказала.

Не знаю почему.

Это ведь они решили перевести меня в другую школу, и я хотела, чтобы они думали, что все идет хорошо.

Или хотя бы неплохо.

Так или иначе, я обманула их доверие.

От этого мне было не по себе.

Если верить тому, что пишут в книгах, в средней школе ребенок начинает эмоционально отделяться от родителей. Наверное, ложь – вполне достойное начало процесса.

И все равно меня тошнило, словно я съела какую-то гадость. Жгучее чувство поднималось из желудка вверх и затапливало горло.

Я чувствовала горечь всякий раз, когда сглатывала.

Родители ничего не знали о скандале с мониторингом, потому что я уничтожила все улики.

На домашнем автоответчике было записано сообщение из школы, но я его стерла. Это было нетрудно, потому что родители всегда забывают проверить автоответчик.

Проявив недюжинное коварство, я взломала мамину почту и сама ответила на письмо директрисы, сообщавшей, что я направлена к школьному психологу.

Неудивительно, что теперь меня тошнит. Сама виновата, придется терпеть.

Круглоголовый не-то-психолог-не-то-надзиратель наконец умолк. Устал.

Он скрестил руки поверх шарообразного живота, словно защищаясь, а потом, после некоторого молчания и потения (с обеих сторон), выдвинул предложение:

– Давай я буду говорить слово, а ты говори первое, что придет тебе в голову после этого. Не воспринимай то, что я говорю, как вопрос – это не вопрос. Постарайся отвечать быстро.

Он длинно втянул воздух и добавил:

– Представь себе, что это такая игра.

Делл Дьюк не знал, насколько ограничен мой опыт в области игр.

Правда, я успела понять, что соревновательный дух во мне удивительно силен.

Впервые с того момента, как я вошла в эту комнату, я ощутила легкий интерес.

Мистер Дьюк хотел поиграть в слова. Я была уверена, что в шахматы обыграла бы его в шесть ходов. Правда, я играю в шахматы только с компьютером, и нечасто, потому что некоторые игры, и шахматы в том числе, страшно затягивают.

Уж я-то знаю.

Как-то раз я играла двадцать часов подряд и в конце уже демонстрировала признаки легкого психоза.

Мистер Делл Дьюк наклонился вперед и театрально произнес:

– Шоколад.

Я заинтересовалась полезными свойствами шоколада, поэтому ответила:

– Антиоксидант.

Он притопнул ногой, словно нажимая на газ в машине, и сказал:

– Пианино.

Я ответила:

– Концерт.

Накануне в школьном холле я слышала, как кто-то из школьников крикнул компании мальчишек: «Играем!»

Мне тоже захотелось крикнуть «играем», но я решила, что это будет неуместно.

Мистер Делл Дьюк пытался записывать свои вопросы и мои ответы, но не успевал.

В конце концов он бросил это занятие, и мы стали играть просто так.

Он сказал «пространство». Я ответила «время».

Он сказал «темный». Я ответила «материя».

Он сказал «большой». Я ответила «взрыв».

Он сказал «авто». Я ответила «биография».

Он сказал «мышь». Я ответила «беспроводная».

Он сказал «белое». Я ответила «тельце».

Он сказал «солнечный». Я ответила «батарея».

Он сказал «семечко». Я ответила «зародыш».

Он сказал «пир».

Я ответила «3,14159265358979323846264338327».

Правда, я сказала это очень-очень-очень быстро и остановилась на второй семерке – конечно, ведь это же моя любимая цифра.

Мистер Делл Дьюк воскликнул во весь голос:

– Ну что ты за зверушка!

Я испугалась.

Я не люблю, когда шумят. Я долго молчала, но потом собралась с духом и ответила.

Я сказала:

– Лемур.

Тут глаза у него на мгновение округлились от изумления, и он пробормотал себе под нос:

– У лемуров в стае верховодят самки.

Он был совершенно прав.

В случае, если в группе происходит конфликт, самки разрешают его силой. Поэтому главная самка получает лучшую пищу и первая выбирает, где будет спать.

Я посмотрела на него повнимательней.

Далеко не все знают, что лемуры – это приматы, обитающие исключительно на острове Мадагаскар.

Может быть, этот человек не такое бревно, как мне сначала показалось.

Он обеими руками взъерошил свою курчавую шевелюру, и она стала вдвое больше.

У меня с волосами тоже так бывает.

Так что я его понимала.

Когда я уходила, то не знала, что и думать.

Я поняла, что он понял, что я не такая, как все.

В друзья мне мистер Делл Дьюк не годился, потому что не подходил по возрасту, и потом, у нас не было совершенно ничего общего, если не считать лемуров.

И все-таки, выйдя с парковки при администрации, я решила, что приду к нему на прием еще раз.

Мистер Делл Дьюк меня испытывал.

Но не в том смысле, в каком ему казалось.

Я чувствовала, что он во мне почему-то нуждается.

Это было приятно.

Тем вечером за ужином мама с папой спросили, как идут дела в школе.

Я ответила:

– Идет процесс накопления опыта.

Родители улыбнулись, но в глазах у них по-прежнему была тревога. Голос у мамы был странно напряженный. Она спросила:

– А из новых знакомых тебе кто-нибудь понравился?

На мгновение я подумала, не дошли ли до них слухи о том мониторинге.

Прежде чем ответить, я взяла немного суфле из артишоков и тщательно прожевала.

– Я познакомилась с одним интересным человеком.

Родители оживились. Им это очень понравилось.

Мама постаралась приглушить свою радость.

– Расскажешь, как это вышло?

Тут надо поосторожнее. Надо каким-то образом сказать правду, а то ведь живот разболится всерьез.

– Мы познакомились сегодня днем. Говоря языком клинических исследований, я нахожусь в фазе «ноль», что подразумевает микроскопическую дозировку. Я буду держать вас в курсе.

И, вежливо извинившись, я встала из-за стола.

Глава 7

Девочки на прием к Деллу приходили редко.

Хулиганили в школе чаще мальчики.

Делл решил, что «Ива» – это сокращение. Наверное, «И.В.А.», сленг какой-нибудь молодежной банды.

Но вместо мальчишки-хулигана на прием явилась двенадцатилетняя девочка.

Что-то в ней было не так.

Он это понял с самого начала.

Она стремительно оглядела тесный кабинет, а потом невежливо уставилась на живот Делла.

Он знал, что потеет, но что тут поделаешь? Уж какой есть.

Но у него появилось чувство, что девочка его оценивает.

А ведь в этом кабинете все должно было быть наоборот.

Это он, Делл, должен был ее оценить.

Ему хотелось поскорее втиснуть ее в подходящую категорию «странных типов» и отключиться от происходящего.

Делл перевел взгляд на экран компьютера и еще раз прочел письмо от директрисы Рудин.

В письме говорилось, что девочка списывала во время контрольной. Такие к нему почти не попадали.

Поэтому он решил действовать хитростью.

А что такого?

Надо же было разобраться.

Она не годилась ни в «чокнутые», ни в «волки-одиночки», ни в «выпендрейники», ни в «белые вороны».

Но он отчетливо видел, что она – очень странная.

Он говорил, говорил, говорил, а она сидела молча, смотрела на него, не отводя взгляда, и видно было, что она слушает.

Он задавал вопросы, но она не желала отвечать.

Она была маленькая, но сильная.

Что-то в ней было не такое, как у всех остальных, – сила? дух?

Ни один «прием» (если это можно было назвать приемами) с ней не сработал.

И тут Делл вспомнил об игре в ассоциации.

Он знал, что другие психологи тоже пользуются этой техникой, потому что, когда окна бывали открыты, а кондиционеры не тарахтели, он слышал, как его коллеги переговариваются между собой.

* * *

Каждую ночь Делл засыпал перед включенным телевизором.

Он записывал бесконечные телепередачи, потому что звуки человеческого голоса его успокаивали (если только человек не кричал на него).

Быстрее всего он засыпал под образовательные передачи.

Вот почему, когда наступал вечер, Делл, ложась спать, часто включал самую скучную из всех имеющихся у него записей: документальный фильм о животных Мадагаскара.

Фильм снимали ученые. Он изобилует фактами и эмоциями, то есть именно тем, без чего Делл мог прекрасно обойтись.

Если бы он захотел и в самом деле посмотреть фильм о дикой природе, то разве что такой, где кровожадный хищник преследует какого-нибудь большеглазого пушистика.

Правда, Деллу больше нравилось, когда пушистик замечал угрозу.

Стремительная погоня и пара-тройка едва не достигших цели бросков добавляли сцене преступления драматизма.

Низкий рокочущий (почти зловещий) мужской голос за кадром готовил зрителя к кровавой развязке. Музыка становилась громче...

А потом – р-раз!

И готово.

Вот только в фильме про Мадагаскар ничего такого не было. Там все вертелось вокруг стаи обезьянок, больше всего похожих на белок в енотовой шкуре.

Ничего интересного Делл в этом не находил, и поэтому с тех пор, как приехал в Бейкерсфилд, часто засыпал именно под этот фильм.

И он не помнил из него ничего, совсем ничего, кроме той фразы, которую пробормотал в ответ на слова Ивы, когда их встреча подходила к концу:

– У лемунов в стае верховодят самки.

Девочка собрала вещи и молча пошла к двери, а Делл заметил, что его волосатые руки отчего-то дрожат.

Он никогда еще не видел таких детей.

Он быстро просмотрел электронную форму, которую должен был заполнять после каждой встречи со школьниками.

Однако – впервые с тех пор, как он пустил в ход систему «странных типов», – Делл закрыл эту форму и отыскал перечень критериев, которыми пользовался Дики Винкельман.

Активность.

Терпение.

Способность концентрировать внимание.

Ива явно умела концентрировать внимание.

Она была очень терпелива (слушала всю первую половину встречи, пока он говорил).

Но вот ее уровень активности Делл оценить не мог.

Делл скопировал абзац из какого-то старого файла Дики Винкельмана. Запись была посвящена ребенку по имени Уэсли Поппесон.

Делл подумал – может, проблема Уэсли была из-за фамилии: слишком уж похоже на «пописун». Этим кого угодно можно довести.

В файле говорилось, что Уэсли совершенно обычный ребенок, однако отличается повышенной тревожностью, которая нуждается в дальнейшем изучении.

По правде говоря, Делл уже понял, что большеглазую двенадцатилетнюю девочку (которая перед уходом посоветовала ему измерить давление) обычной назвать невозможно.

Впервые за все время своей работы психологом он ощутил не просто желание работать.

Его чувство было сродни вдохновению.

Нужно было добавить в классификацию новую группу.

Он открыл на компьютере окошко настройки цветов и стал лихорадочно тыкать в него, пытаясь получить что-нибудь похожее на металл.

Цвет расплавленного золота, или еще что-нибудь такое, чтобы цепляло глаз.

Потому что Делл Дьюк уверился: он открыл новую категорию «странных типов».

И называлась она «ГЕНИЙ».

Глава 8

После того как меня выдернули с урока мисс Кляйнсэссер и отправили к директрисе Экземе, учителя и другие ученики стали относиться ко мне по-новому.

Некоторые одноклассники решили, что я каким-то образом мошенничаю с контрольными, и просили поделиться с ними ответами к тестам.

Один восьмиклассник – у него уже борода росла, вполне настоящая, – потребовал у меня домашнее задание, которое давали по математике в прошлый вторник.

Я так удивилась, что отдала ему всю тетрадь; позже она отыскалась на мусорнике перед мужской душевой у спортзала.

В тетрадь была вложена полупустая пачка мятных пастилок для свежести дыхания, но я решила, что это не подарок, а случайность.

Как ни странно, следующей встречи с мистером Деллом Дьюком я ждала с нетерпением, и охотно проделала весь долгий путь от средней школы «Секвойя» до офисов администрации.

Мысль о том, что мне куда-то нужно идти, наполняла меня незнакомым доселе чувством: у меня была цель.

Даже если из-за этой цели мне придется снова врать родителям.

Правда, на вторую неделю врать стало легче, чем поначалу. Это меня огорчило.

Я поняла, что человек способен привыкнуть ко всему – и к хорошему, и к плохому.

Вот, наверное, как люди привыкают откачивать биотуалеты или пробовать кошачьи консервы на заводе, чтобы проконтролировать качество.

Прозвенел последний звонок, и школа буквально взорвалась (потому что это и правда было похоже на взрыв). Я сложила в чемодан учебники, испытывая неизвестное мне прежде наслаждение. (Мне нравится слово «наслаждение». Хорошо бы его почаще использовали в обычной жизни.)

Распахнулись двери, и сквозь них наружу повалила толпа школьников. Похоже было, будто в школе случилась утечка каких-то опасных веществ, и все кинулись спасаться бегством.

Я в этом не участвовала.

Я шла по собственному делу, и время на дорогу было ограничено.

Придя в офис, я увидела, что на этот раз Делл Дьюк подготовился к встрече.

Одежда у него по-прежнему была такая мятая, словно он неделю спал в ней, не снимая, зато борода подстрижена или, по крайней мере, вымыта.

Да и в захлавленном кабинете стало чуть больше порядка.

И еще одна вещь, которая заставила меня улыбнуться, едва я вошла в дверь: на приставном столике сбоку от письменного стола появилась небольшая серебряная рамка.

И в этой рамке, словно портрет потерянного родственника, красовалась фотография лемура.

Он нервничал.

Он пытался завести беседу, но в конце концов не выдержал и выпалил:

– Послушай, а может, попробуешь еще раз выполнить тест – вроде того, что был в школе на мониторинге?

Я решила, что это и есть причина его беспокойства, и решила положить ему конец:

– Если хотите, могу прямо сейчас.

Он очень обрадовался.

Он достал из ящика стола папку с тестовыми заданиями. И вдруг так заволновался, что мне пришлось поднимать с пола карандаш и помогать с таймером.

Я пыталась объяснить, что мне не понадобятся все пятьдесят минут, что отведены на выполнение заданий.

Но он мне не верил, пока я не сделала первый тест за четырнадцать минут.

Он проверил ответы, а потом я взяла из стопки еще один буклет и выполнила тест за двенадцать минут и 7 секунд.

В идеальных условиях – при наличии хорошей вентиляции и стакана несладкого зеленого чая со льдом, – я бы сэкономила еще две минуты.

Когда встреча подошла к концу и я встала, Делл Дьюк улыбнулся. Растянул сомкнутые губы.

Он сказал, что я не сделала ни одной ошибки ни в одном тесте.

Я сказала, исключительно для констатации факта:

– Ни одной ошибки.

Должно быть, он решил, что мы снова играем в игру со словами, потому что сжал кулак и резко дернул им вниз, словно раскрывая парашют (я никогда не раскрывала парашют, но могу себе представить, как энергично при этом нужно тянуть за шнур).

И сказал, очень громко:

– С вами была Ива Чэнс!

Мистер Делл Дьюк не хотел ждать до следующей встречи целую неделю.

Он считал, что мне стоит прийти завтра, в самом начале его приемных часов.

Он сказал, что принесет с собой сюрприз. Я не слишком люблю сюрпризы, но ему об этом не стала говорить.

Вообще-то я собиралась посвятить весь остаток недели проверке кислотности почвы у нас в саду.

Мне с большим трудом удавалось поддерживать показатель pH 6,5, и все-таки я согласилась прийти завтра, потому что результаты тестов на способности, похоже, очень взволновали психолога, и я подумала, что, возможно, он страдает депрессией.

Не исключено, что мои визиты способствуют улучшению состояния его психики.

На следующий день я пришла на пять минут раньше и тут же поняла: что-то изменилось. Дверь в трейлер-кабинет была открыта, но не так широко, как обычно, а совсем чуть-чуть, на щелочку.

Я заглянула внутрь, но Делла Дьюка не увидела. Увидела двоих незнакомцев.

Нет, не каких-нибудь страшных незнакомцев.

Обычных людей.

Я сделала шаг назад, но одна из этих двоих, девочка-подросток, уже меня заметила.

И сказала:

– Ты что? Заходи.

Я не знала, стоит ли заходить.

В кабинете было тесно, и, хоть лишний стул там и был, мне все равно казалось, что я влезла в чужое личное пространство.

Но тут девочка встала, распахнула дверь и сказала:

– Мы уже почти закончили.

Теперь я могла разглядеть мальчика чуть старше ее: он, ссутулившись, сидел над раскраской и сосредоточенно красил детали картинки в разные цвета.

Никогда не могла понять, в чем смысл раскраски.

Кто хочет, может сам нарисовать картину. Кто не хочет – не рисует. Но зачем тратить время и раскрашивать чужую работу?

Я знала, что к Деллу Дьюку ходят и другие школьники из нашего округа, но при виде этих двоих, которые были старше меня, мне сделалось не по себе.

Девочка вдруг сказала:

– Брат не уйдет, пока не доделает задание. Извини. Его время закончилось больше десяти минут назад.

Мальчик бросил на сестру угрюмый взгляд, но потом снова принялся лихорадочно возить карандашами по бумаге. Девочка добавила:

– Мистер Дьюк вышел за газировкой. Ну, то есть это он так сказал. Но его уже долго нет, так что насчет газировки я сомневаюсь.

Я молча кивнула.

Я по достоинству оценила прозвучавшее в ее словах подозрение, и надеялась только, что Делл Дьюк не войдет внезапно в кабинет, держа в руках стакан с диетической пепси.

Я мысленно сделала пометку: поговорить с ним о прохладительных напитках.

Они вредны для здоровья.

На физкультуре мы играли в волейбол, поэтому я очень устала и уселась на единственный свободный стул в кабинете.

Я не хотела невежливо глазеть на девочку – теперь мы сидели рядом, – но у нее была очень интересная внешность.

Ее этническая принадлежность с трудом поддавалась определению, в точности как моя.

Блестящие черные волосы, тугие кудряшки – на первый взгляд девочку можно было принять за афроамериканку.

Я смотрела прямо перед собой и сидела не шелохнувшись, но скосила глаза, чтобы лучше видеть.

И, разглядев девочку краем глаза поближе, вдруг подумала: что, если она индианка?

Аборигенные культуры всегда вызывали у меня огромный интерес.

Вдруг девочка принадлежит к племени кауилла?

Индейцы-кауилла жили в Южной Калифорнии и некогда населяли те места, где стоит Бейкерсфилд.

Вполне возможно.

Хоть и маловероятно.

Внезапно я утратила всякий контроль над собой. Я повернулась к своей соседке и спросила:

– Ты говоришь по-такийски?

Глава 9

Маи и Куанг Ха

Вожак делает так, чтобы все стреляли в одном направлении.

Нгуен Тхи Маи было четырнадцать лет; недавно она поступила в Кондонскую старшую школу, которая была расположена на противоположном от дома Ивы Чэнс конце города.

У Маи был брат по имени Куанг Ха, годом старше.

Куанг Ха вечно попадал в истории.

Маи не попадала в истории никогда.

Она была целеустремленной, всегда поступала обдуманно, и потому люди к ней тянулись.

Маи верила в собственные силы. Сама она предпочитала думать так: бесхарактерных людей в мире полно, а ей от рождения досталась сильная воля.

Маи не боялась ни взрослых, ни незнакомых людей, сколько бы им ни было лет.

Мама Маи часто говорила, что дочь родилась в год дракона, а дракон символизирует величие, власть и силу. Этим все и объяснялось.

Начиная со второй недели учебы по четвергам Маи с братом садились в автобус и ехали в администрацию школьного округа, потому что Куанг Ха должен был явиться в трейлер без окон на прием к Деллу Дьюку.

Деньги на проезд, бутылка воды и два бутерброда лежали в рюкзаке у Маи. Она была на год младше брата, но давно уже за ним присматривала.

Маи дожидалась, пока Куанг Ха отзанимается, и, когда тот выходил от психолога, вместе с ним ехала в маникюрный салон «Удача».

Этим салоном управляла их мать.

Конечно, Маи знала, что они с братом не похожи на других жителей Бейкерсфилда.

Ее мать была рождена во Вьетнаме от чернокожего американского солдата. Из-за этого обстоятельства Дунг, как звали мать Маи, стала парией.

Став подростком, Дунг воспользовалась возможностью, которую ей дало американское правительство, уехала из родной страны, пересекла полмира и поселилась в Калифорнии. В последовавшие за этим десять лет она родила двоих детей от мужчины родом из Мексики. (Вскоре после рождения Маи этот мужчина отправился навестить заболевшего брата, да так никогда и не вернулся.)

Дунг стала называть себя Патти (ей понравилось значение этого имени)¹. И все же, хотя она прожила в Соединенных Штатах двадцать один год, изредка письма все равно приходили на имя Дунг. Детям Патти это не нравилось.

Сегодня Делл пренебрег (даже больше обычного) работой со своими постоянными посетителями.

Невыносимому подростку по имени Куанг Ха он выдал раскраску с геометрическими узорами и велел раскрасить три страницы.

Как ни странно, колючий подросток не воспротивился, а с явным энтузиазмом взялся за цветные карандаши и принялся раскрашивать рисунки.

Убедившись, что никто не подсматривает, Делл добрался до машины и поехал прочь. На то, чтобы совершить задуманное, у него было пятьдесят минут.

¹ Patti, сокращенно от Patrica – леди, аристократка. – *Ред.*

Когда Делл Дьюк вернулся, в руках у него была не жестянка с газировкой, а кошачья переноска. Незнакомым тонким строгим голосом он сказал:

– Куанг Ха, ты на сегодня закончил. Я же говорил: без десяти четыре встаешь и уходишь.

Куанг Ха даже головы не поднял и продолжал раскрашивать.

Маи и Ива Чэнс уставились на сетчатую переднюю стенку пластиковой клетки. Там сидел крупный рыжий кот.

Делл Дьюк не отступал:

– Тебе пора идти. Здесь уже очередь!

Куанг Ха водил горчично-желтым карандашом по странице так упорно, словно ему был обещан отдельный приз за каждый штрих.

Это вряд ли могло удивить Делла, потому что парня сюда отправили как раз за плохое поведение на уроках и неумение держать себя в руках.

И все же это Делл повел себя так, словно не умел держать себя в руках. Его лицо налилось кровью, он брякнул переноску на стол и закричал:

– Все! Хватит! Отложи карандаши!

Ива вжалась в стул.

Увидев это, Маи встала. Теперь перед Деллом была тигрица, которую спустили с привязи в тесной каморке.

– Не смейте на нас кричать! Он ничего плохого не сделал. Если мой брат хочет докрасить картинку, значит, докрасит, и все тут!

Она сделала глубокий вдох и продолжала:

– Он пришел на занятие, а вы взяли и уехали. Так нельзя! Вы опоздали на следующее занятие, и девочке пришлось вас дожидаться. Так тоже нельзя! И вот еще что, имейте в виду: животных на территории школы держать наверняка запрещено. И мы можем подать на вас жалобу!

Глава 10

Я почувствовала, что у меня растет давление. Но это было хорошо.

Она была храбрая, эта девочка с необычной внешностью. Она заслонила меня собой.

Она повысила голос на мистера Делла Дьюка, и по ее тону было понятно, что она намерена защищать своего брата и меня, и всему миру придется с этим смириться.

Там, в тесном захламленном трейлере на краю раскаленной асфальтовой парковки при администрации школьного округа Бейкерсфилда я встретила большую девочку, которую не смущало ничто на свете, кроме разве что незнания языка почти совсем исчезнувшего племени кауилла.

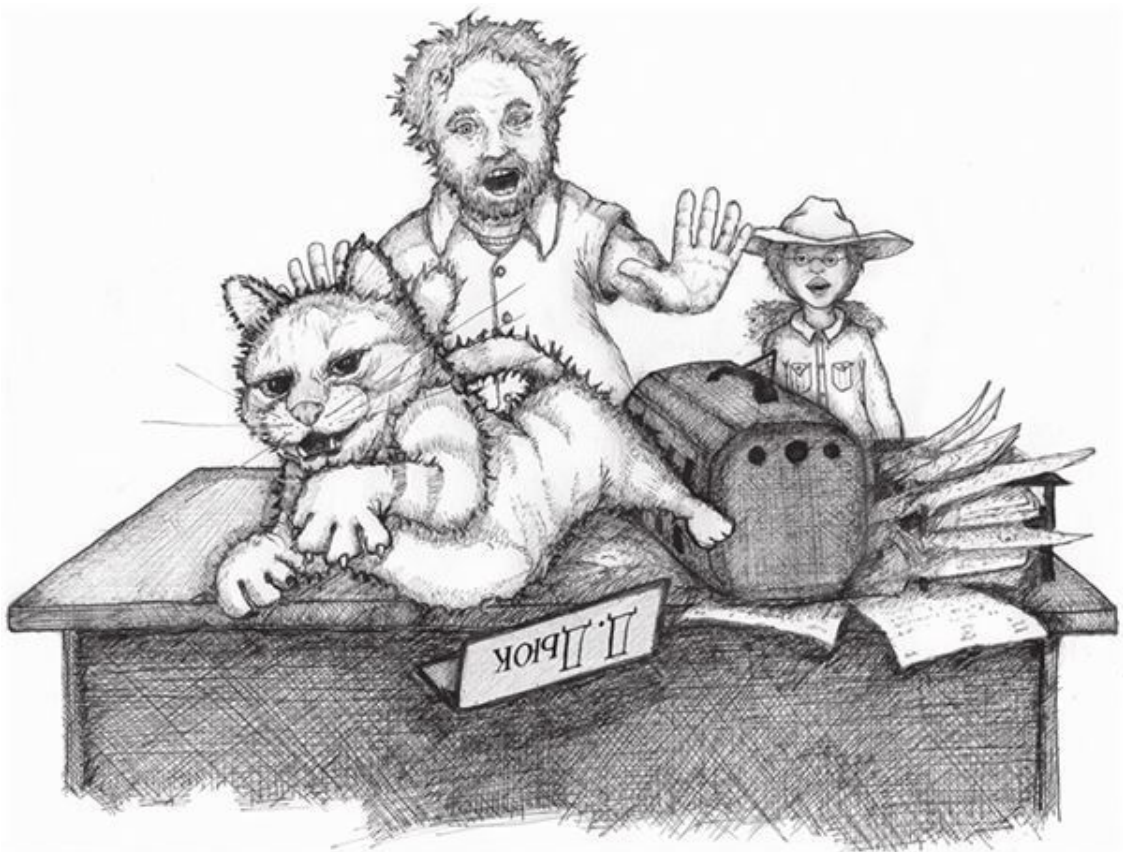
Я встретила Маи Нгуен.

Делл Дьюк смотрел на нас остановившимся взглядом и молчал.

Все так же молча он вытащил из рукава единственного своего туза – то есть на самом деле выпустил из клетки кота.

Неуверенно улыбнувшись, он открыл металлическую дверцу пластиковой переноски.

И сказал:

– Это мой кот, его зовут Чеддер. Я подумал, может, тебе захочется с ним познакомиться. Так вот что за сюрприз он обещал.

Вчера я упомянула, что у папы аллергия на шерсть животных, и поэтому мне не разрешают заводить ни кота, ни собаку, ни даже карликовую козу.

Так значит, Делл решил сделать мне приятное. Укрепить отношения. И привез своего кота. Странно, да, – но разве в тот момент в той комнате хоть что-нибудь можно было назвать заурядным?

Кот несколько раз (как в замедленной съемке) переступил лапами по столу. Я знала, что такое поведение характерно для котиков, потому что они очень независимы.

Они не побегут вам навстречу и не станут ласкаться и приветствовать, извиваясь от счастья.

Им не нужно ваше одобрение или признание.

Они не принесут вам в зубах палку, не съедят от страха, не будут смотреть умильными глазками, словно говоря: «Приласкайте меня, ну пожалуйста!»

Коты безразличны к человеку, и это их свойство не просто привлекает нас, а прямо-таки завораживает.

Потому что человеку сразу хочется завоевать кошачье сердце.

Мы смотрели, как Чеддер лениво прогулялся по столу и скользнул монументальным боком по тройному лотку для документов (туда Делл Дьюк сваливает бумаги официального вида, и я вдруг догадалась, что он их не читает и попросту вытряхивает из лотка в большой выдвижной ящик стола).

Огромный кот принялся, фыркнул и нашел кабинет не вполне подходящим для себя местом.

И с ходу, внезапно спрыгнул на пол, оттолкнулся лапами и вылетел на улицу, словно мохнатый и рыжий футбольный мяч.

У нас на глазах Чеддер промчался по парковке и был таков.

Мы целых 37 минут искали этот беглый сыр под машинами, за кустами и вокруг зданий школьной администрации.

Но так и не нашли.

Делл сказал, что расстроился, но, как ни странно, мы с Майи, кажется, расстроились куда больше.

Наконец мы решили прекратить поиски, вернулись в офис Делла и решили напечатать объявления о пропавшем коте.

У Делла фотографии кота не нашлось, и это тоже было странно, потому что из книг, которые я прочла, всегда выходило, что большинство владельцев животных получают огромное удовольствие, когда фотографируют своих питомцев.

Однако эта проблема разрешилась: Куанг Ха набросал карандашом очень похожий портрет Чеддера; этот портрет мы поместили на объявление, а вокруг написали: «Пропал кот! Помогите! Вознаграждение гарантируется».

Точный размер вознаграждения Делл указывать не стал.

Лично я убеждена, что материальная стимуляция, тем более в обществе, ориентированном на потребление, необходима.

Но я с ним не спорила.

Мы сгрудились вокруг установленного в главном офисе копировального аппарата и смотрели, как из него вылезают все новые объявления.

Я ощутила нечто совершенно новое и незнакомое.

Я никогда ничего не делала вместе с детьми старше меня.

И хотя Чеддера, пропавшего кота Делла Дьюка, мы так и не нашли, но, стоя бок о бок с четырнадцатилетней Майи и ее хмурым старшим братом, я почувствовала, что вместе мы что-то сумели сделать.

Я не притворялась, я была собой, и все равно меня взяли в команду.

Я почувствовала себя настоящим человеческим существом.
Другими словами этого не описать.

Мистер Делл Дьюк подвез нас домой.

Он сказал, что завезет сначала меня, и я решила, что, наверное, это потому, что ему нельзя ездить с чужим ребенком один на один.

Чтобы ребенка отпустили из школы в сопровождении сотрудника, родители должны сначала дать письменное разрешение.

Но давать красный свет его предложению я не хотела (хотя красный – мой личный цвет).

На какое-то время я уплыла в мыслях далеко-далеко, но думала при этом вовсе не о структуре клеток и прочем.

Я пыталась представить себе место, где живут Майи и Куанг Ха.

Может, они живут вместе с родственником, который страдает хронической болезнью и не будет возражать, чтобы его регулярно навещала некая юная особа, особенно если она будет терпеливо выслушивать бесконечные жалобы и подробно записывать услышанное?

А может, в квартире, где живет семья Майи, на крыше есть терраса, а на террасе – самодельная любительская обсерватория с супермощным зеркальным телескопом?

Я сидела на заднем сиденье и думала, как бы мне договориться с этой большой девочкой, которая меня так заинтересовала, и обменяться с ней координатами.

В какой-то миг я даже вообразила, будто выхожу из чумазого автомобиля Делла Дьюка и держу в руках крошечную пробирку со взятым у Майи образцом крови для расшифровки генетической последовательности.

Я ведь так и не отбросила окончательно версию о том, что Майи имеет какое-то отношение к племени кауилла, хотя, пока мы искали кота, она сказала мне, что ее мать приехала из Вьетнама.

У меня есть секрет. Когда я была маленькой, то воображала, будто я – индейская принцесса.

Глядя из окна машины на улицы, по которым я ходила всю жизнь, я поняла, что людям важно знать, кто откуда происходит.

Пусть даже об их собственном происхождении им ничего не известно.

Настроение у меня было приподнятое.

Войдя в дом, я отправилась на кухню и приготовила себе напиток из горячей воды со столовой ложкой меда (из улья на заднем дворе) и столовой ложкой домашнего уксуса (который сделала сама из кислых яблок, коричневого сахара и дистиллированной воды).

Попивая терпкий напиток, я думала о том, что день был исключительно удачный, несмотря даже на сбежавшего кота.

Если у меня появится друг – пусть даже старше меня и из другой школы, – передо мной откроется дверь в новый мир.

Тем вечером я приняла решение.

Я узнаю все, что только можно, о пропавших котах и о Вьетнаме.

У меня было такое чувство, будто я долго билась о преграду, а сегодня вдруг сумела ее преодолеть.

Глава 11

Маи смотрела, как Ива вылезает с заднего сиденья и идет к дому по дорожке, а за ней следом катится чемодан на колесиках.

– Что она, рюкзак не может купить? – проворчал Куанг Ха.

Маи бросила на него грозный взгляд, и брат умолк.

Дом, где жила странная девочка, был цвета криветочного карри, которое готовила мать Маи. Ярко-желтый, он сразу же бросался в глаза на фоне выстроившихся вдоль улицы коричневых построек.

Впрочем, самое интересное Маи увидела за этим домом.

Там было очень зелено.

С одной стороны тянулся к небу бамбуковый лес высотой с трехэтажный дом. На противоположном краю участка росла высокая пальма и шелестели листвою на послеполюденном ветерке серебристо-голубые эвкалипты чуть поменьше размером.

Глядя на стоящие по улице дома, Маи подумала, что у Ивы за домом словно бы раскинулись настоящие джунгли.

На других участках ничего подобного не было. Какая там зелень в краях, где двести дней в году с неба не падает ни капли дождя.

Может быть, подумала Маи, родители девочки держат садовый питомник.

Брата не интересовала ни Ива, ни ее дом, зато Делл внимательно, почти касаясь носом стекла, смотрел, как Ива вытащила из чемоданного кармана на молнии ключ.

Обычный ребенок обернулся бы и помахал, или еще как-нибудь дал понять сидящим в машине, что он их видит.

Но Ива просто открыла дверь и вошла внутрь, исчезла в темном нутре ярко-желтого дома, словно став вдруг невидимой.

Это было необычно.

Когда Ива вошла в дом, Делл Дьюк под взглядом Маи отъехал от тротуара и так резко надавил на газ, что фордик бросило вперед рывком, словно неисправную карусель.

Маи подозрительно прищурилась.

Неужели он так сильно хочет поскорей от них избавиться?

С чего бы?

Она была не слишком высокого мнения о психологе, но весь последний час жалела его из-за пропавшего кота.

Но теперь Маи быстро вернулась на исходные позиции.

Психолог из Делла Дьюка никакой.

Высадив хулигана и его огнедышашую сестрицу, Делл поехал домой.

Дорога проходила мимо администрации школьного округа, и там, на нагретой солнцем крыше некогда зеленого мусорного бака у южного края парковки, он увидел Чеддера.

Делл даже не притормозил, чтобы приглядеться.

В зданиях администрации водились крысы. Суровая правда жизни.

В конце концов, подумал Делл, сумел же Чеддер затащить собственную тушку на мусорник. Глядишь, стрясет пару лишних килограммов.

Делл нашел Чеддера в Интернете, прочитав объявление о найденном коте.

Отдавал кота не приют, поэтому платить не пришлось. Делл просто заявил свои права на этот мешок блох и даже взял пластиковую переноску, которую ему предложила старушка.

Старушка очень обрадовалась, что хозяин и кот снова вместе. Деллу стало почти стыдно.

Впрочем, объявления о пропаже кота все равно отправятся в мусорник. Делл, правда, пообещал их развесить, но это только чтобы утихомирить детишек. Они-то здорово расстроились, когда Чеддер сбежал.

Объявления валялись на полу под пассажирским сиденьем.

Стоя на светофоре, Делл не мог не признать, что изображенный на них кот вкупе с рисунком, который Куанг Ха так вдохновенно и тщательно раскрашивал на занятии, вселяют в него тревогу.

Парень был «волком-одиночкой».

Его цвет – зеленый.

У хулиганов не бывает художественных талантов.

И все же достаточно было одного взгляда на изображение Чеддера, чтобы понять: у мальчишки хороший глаз.

Делл сделал мысленную заметку: перевести Куанг Ха в другую категорию.

Перекрасить его в фиолетовые, будет «выпендрожником».

Тут Делл вдруг подумал – а что, если он мог вот так вот ошибаться и со всеми остальными детьми?

Это была очень странная мысль.

Войдя в набитую бархлами квартиру, Делл стянул пропотевшую рубашку и налил стакан красного вина.

Потом достал замороженный мясной рулет, вроде бы низкокалорийный, и сунул в микроволновку.

На упаковке было написано, что рулет рассчитан на троих.

Делл неоднократно пытался сесть на диету, но все равно каждый раз съедал рулет целиком.

Лавируя между кучами бархла, Делл уселся в шезлонг, который стоял тут же в гостиной.

Делл удивлялся, почему никто еще не понял, что хороший шезлонг по удобству не уступает кушетке, но при этом его гораздо легче передвинуть.

У большинства уличных кресел имелись специальные колесики, чтобы катить, а если вдруг перевернешь площадку соуса (с кем не бывает?), можно просто сполоснуть подушку под струей воды.

Обычно Делл включал телевизор и смотрел какое-нибудь реалити-шоу, а потом, доев рулет и выпив изрядное количество вина, засыпал, как правило – с открытым ртом, из которого вечно тянулась ниточка розоватой слюны.

На обычной мебели слюна оставила бы пятна, а через дырочки пластикового переплетения шезлонга проникала беспрепятственно, и это тоже было удобно.

Делл спал так несколько часов, потом просыпался и, если были силы, плелся по лабиринту из вещей в спальню и там заползал в спальный мешок.

Мешок он тоже выбрал за удобство.

Раз в год Делл носил мешок в химчистку. Зато – никаких покрывал, одеял, простыней, пододеяльников. В современной жизни и так предостаточно хлопот, чтобы еще тратить время на застилание постели.

Однако этой ночью Делл не смог привычно заснуть в лужице слюны. Он с открытыми глазами лежал в спальном мешке, который, как ему казалось, пахнет бурым медведем (смесь запаха мокрой шерсти, прелых листьев и пустых винных бутылок) и думал о прошедшем дне и о гениальной девчонке.

Глава 12

У меня появился план.

Раньше я ходила на занятия к мистеру Деллу Дьюку пешком, но теперь, зная, что передо мной на прием приходит Май с братом, решила явиться пораньше.

Поэтому, когда началась следующая неделя, я заказала через Интернет такси, попросив, чтобы машина подъехала к концу уроков и забрала меня на дороге у школы.

Это был очень отважный и дерзкий поступок.

Я встала под знаком «Школа «Секвойя», и такси приехало как раз вовремя.

Я подумала – неплохое начало.

Потянув за собой чемодан, я подошла, встала у двери, заглянула в открытое окно и сказала:

– Пожалуйста, назовите номер своей лицензии и предъявите сертификат соответствия требованиям об исправности тормозов и фар.

Водителя звали Хайро Эрнандес, и он работал в «Мексиканском такси» семь лет.

Я нервничала, но и он нервничал не меньше моего.

Впрочем, он не был похож на человека, который хочет меня похитить и разрезать на мелкие кусочки.

Просмотрев документы (которые он довольно долго искал по всей машине), я села на заднее сиденье.

Отъехав от тротуара, он взял телефон и наушники и с кем-то заговорил (может, с диспетчером?). Он старался говорить негромко.

Но он не знал, что я сама бегло говорю по-испански, потому что это первый иностранный язык, который я выучила.

Водитель сказал:

– У нее был чемодан, и я подумал – коротышка, едет куда-нибудь в аэропорт. А потом подъехал ближе и увидел, что это просто девчонка. Слушай, я тебе точно говорю, это какая-то полицейская операция. Девчонка проверила у меня документы! Я б дал газу и смылся, но она сунула голову в окно. Парень, это жесткач. Уже и детей в засаду сажают! Что ж дальше-то будет?

Два факта.

Я никогда еще не ездила в такси.

И я никогда не садилась в машину к совершенно незнакомому человеку.

Сейчас я исследовала неизвестное и рисковала.

Я чувствовала, как стучит сердце. Мне было приятно. Я не могла сдержать улыбки.

Я ехала повидать свою новую подругу.

Правда, особа, о которой идет речь, была на два года старше меня и, по-видимому, имела определенную склонность к гневливости (а также брата, который страдал отсутствием дисциплины и никого не слушался).

Но совершенства не бывает.

Это знает любой ученый.

Когда такси остановилось на парковке школьной администрации и я расплатилась с водителем, прибавив к сумме по счетчику восемнадцать процентов чаевых, то была очень довольна. Я справилась без посторонней помощи.

Я посмотрела Хайро Эрнандесу прямо в глаза и сказала:

– Никогда и никому не позволяй внушать тебе, что ты чего-то не можешь.

И захлопнула дверь.

Я имела в виду собственный успех, но по выражению лица водителя поняла, что он отнес сказанное на свой счет.

Завернув за угол, я увидела Маи. Она сидела на верхней ступеньке у входа в офис Делла. Может быть, я все придумала, но мне показалось, что она обрадовалась, когда увидела меня.

Я ускорила шаг, удерживая на курсе свой чемодан с плавающими колесиками и возможностью разворота на 360 градусов.

И наконец, дойдя до трейлера, сумела сказать то, чем мне всю неделю хотелось поразить Маи:

– *Chị có khoẻ không?*

Она сказала, что я идеально интонирую приветствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.